

«Обладая заурядными тремя духовными корнями, он вступил на путь бессмертия, полагаясь лишь на сверхчеловеческую волю и упорство. Повествование изобилует деталями, персонажи прописаны живо, история растянулась на сотню нефритовых пластин... И почему всё оборвалось на самом интересном месте? Автор ушел в затвор и до сих пор не вернулся?»

«Прекрасная фея из Дворца Лазурной Чистоты теряет память, попадает в мир смертных и влюбляется в практика из крошечной секты. Молодой господин великого клана теряет голову от слабой ученицы внешнего двора... М-да, попахивает старыми добрыми любовными романами из моего среднего звена».

«Культиватор с пятью духовными корнями, не желая мириться с посредственностью, решительно вступает на путь Дао... О, это мне нравится, глянем... В финале, спустя сто лет, старик умирает от старости, так и не сумев достичь Стадии Возведения Основания. Оглядываясь на прожитую жизнь, он горько раскаивается и предостерегает читателей: цените время и не стройте иллюзий... Слишком жизненно».

«...»

Сы Жань сжал в руке нефритовую пластину. После того как финал в очередной раз накормил его «стеклом», на лице юноши застыло крайне сложное выражение.

Несколько дней назад Юнь Мо спустился с горы и притащил целую гору пластин — судя по всему, торговец всучил ему «подарочный набор лучших хитов». Сы Жань рассортировал их по жанрам: романтика, боевые искусства и, конечно же, несколько откровенных эротических романов. Он подозревал, что Юнь Мо даже не догадывался о содержимом последних, просто взял то, что дали.

К слову, эти «книжки для взрослых» юноша прочел с большим интересом. Самым захватывающим оказалось жизнеописание одного практика из Секты Совместной Радости. Этот тип не знал преград ни в поле, ни в позиции: ему было абсолютно всё равно, мужчина перед ним или женщина, ведущий он или ведомый. Настоящий король среди «жеробцов».

Культурные различия между мирами дали о себе знать. Эротическая литература этого мира буквально открыла перед Сы Жанем новые горизонты. Разнообразие поз, техник и затей было таким, что он диву давался. Даже его закаленная современной культурой психика испытала мощное потрясение. Оставалось лишь признать: здешние практики — те еще затейники.

Если не считать клубнички, остальные истории были довольно специфичными. Любовные романы казались на редкость целомудренными, но при этом страдали от избытка влажных фантазий. Та самая «фея» из Дворца Лазурной Чистоты упоминалась в разных книгах сто двенадцать раз, а гениальный наследник Секты Ночной Тайны — семьдесят девять. Под прицел авторов попадали в основном талантливые ученики первоклассных сект.

Что касается Секты Меча, которая тоже входила в число великих, её adeпты гордо удерживали нулевой рейтинг упоминаний. Видимо, все считали их бесчувственными чурбанами.

Помимо любви, встречались истории о самосовершенствовании и возвышении. Они полностью соответствовали духу мира, где правит сила и закон джунглей. Вот только персонажи с тремя, четырьмя или пятью корнями в финалах обычно кончали плохо, а те, у кого был Небесный корень, просто катились по сюжету катком, сминая врагов. Ему во всем этом не хватало какой-то изюминки.

Перебрав все новинки, юноша растянулся на кровати, пытаясь вспомнить сюжеты. С ужасом он осознал, что ярче всего в памяти отпечатались именно те пошлые книжонки.

Но еще больше его поразило то, что даже в мемуарах того развратника из Секты Совместной Радости, который переспал чуть ли не со всей поднебесной, не нашлось места ни для одного мечника.

Сы Жань накрылся с головой одеялом и разок перекатился по кровати. В его душе зашевелилось некое азартное стремление.

Просмотрев несколько сотен пластин, он признал: качество хромает, а концовки порой ранят в самое сердце. Однако жажда творчества, дремавшая в глубинах его разума, наконец пробудилась.

Еще на Земле он любил на досуге что-нибудь написать. В конце концов, нет ничего лучше, чем самому приготовить себе «пищу для ума». А если подумать, из-за внезапного попадания в этот мир он, скорее всего, забросил несколько начатых романов.

«Мои милые ангелочки, оставшиеся на дне неоконченных историй... Ваш автор не хотел вас бросать. Он просто попал в другой мир, честно»

Сы Жань высунулся из кокона одеяла. Волосы его были всклокочены, глаза горели, а пальцы нетерпеливо вертели нефритовую пластину. Идеи вспыхивали в голове одна за другой, и их было уже не остановить.

Он будет писать!

И нет, не порнографию!

Он посвятит свои труды дружественному столкновению и обмену культурами между современным миром и миром культивации!

Сы Жань всегда отличался железной исполнительностью. Он попросил Юнь Мо принести чистых пластин, и уже к полудню заказ был доставлен. Вот только принес его Се Жунцин.

— Юнь Мо срочно вызвали старейшины, так что он поручил мне передать это тебе, — Се Жунцзин прислонился к столбику кровати и с любопытством выгнул бровь. — Зачем тебе столько пустых заготовок? Собрался записывать схемы массивов или талисманов?

Сы Жань принял пластины и поблагодарил его, но прямо отвечать не стал. Вместо этого он спросил:

— Помнится, раньше ты всегда называл его «старший брат Юнь»? С чего вдруг перешел на имя?

— А, это... — собеседник принялся вертеть в пальцах кисточку на пологе. — Он вошел в секту всего на полгода раньше меня. Наставник говорит, что на людях приличия надо соблюдать, а внутри секты — как угодно. Мы на этом не заикливаемся, лишь бы понятно было, к кому обращаешься. Как самочувствие? Нет, серьезно, еда же никуда бы не делась. Во всей Секте Меча ты единственный, кто так уделался. Как ты сейчас?

В тот день Се Жунцзина не было в главном зале Пика Цяньтянь, поэтому он не знал о подвиге Сы Жаня. Он искренне считал, что юноша так долго восстанавливается после тяжелых травм.

Сы Жань почувствовал подвох:

— Погоди... И как же, по-твоему, я получил эти травмы?

— Как-как? — тот пожал плечами. — Говорят, когда началась гроза, ты во что бы то ни стало решил вернуться за недоеденным мясом духовного зверя. Забежал в лес, схватил котел и бросился наутек, вот тебя молнией и приложило.

Сы Жань:

— ...

Кто?! Кто этот гнусный клеветник?!

Он понимал, что настоящую причину его состояния разглашать нельзя, и надеялся, что Ци Фэн и Ци Янь придумают что-то достойное. Но это?! Вроде солидные люди, старейшины, а фантазия какая извращенная!

Сы Жань так сжал чистую пластину, что та жалобно хрустнула. Его улыбка была подозрительно кроткой:

— Слухами земля полнится, но мудрый им не верит.

Се Жунцзин оживился:

— Так что же случилось на самом деле?

Сы Жань отчеканил с каменным лицом:

— Мы можем закрыть эту тему?

— Ладно-ладно, не кипятись, — тот примирительно поднял руки. Увидев, как юноша возится с пластиной, он снова придвинулся ближе. — Ты вообще умеешь ими пользоваться? Давай научу.

Нефритовая пластина была инструментом для записи информации. Чтобы занести в неё данные, требовались духовная энергия и ментальное усилие. Сы Жань знал теорию, но на практике столкнулся с трудностями: потратив кучу сил, он смог вымучить только заголовок.

Он осознал, что запись целого романа потребует колоссальных затрат энергии.

Придя к этой мысли, юноша хитро прищурился и посмотрел на Се Жунцзина:

— Ты в последнее время сильно занят?

Тот потер подбородок:

— Хочешь о чем-то попросить?

Сы Жань не ответил, лишь повторил вопрос:

— Занят или нет?

— Да бездельничаю, — усмехнулся Се Жунцзин. — Все восстанавливают свои пещеры, а мне повезло: моё жилище целехонько, только пару деревьев у входа спалило. Я же говорил, табличка у меня правильная. «Пещерный человек с вершины горы» — эти четыре больших иероглифа, фэншуй великолепный...

— Ты до сих пор её не снял? — Сы Жань невольно дернул уголком рта.

Собеседник хлопнул его по плечу:

— В каком-то смысле это и твоя заслуга. У тебя талант к словесному творчеству!

Сы Жань:

— ...

«Не стоит благодарности». Он лишь надеялся, что Се Жунцзин никогда не узнает истинного значения этих слов.

подавив нервный смешок, Сы Жань нацепил маску искренности и протянул Се Жунцзину руку, предлагая негласный союз:

— У меня есть одна задумка. Маленький план по развитию литературного наследия и совместному экономическому росту. Что скажешь?

Секта Меча, площадка для тренировок.

Вернувшись с месячного задания, Юнь Мо принес с собой отчетливый запах крови. Недавняя гроза привлекла внимание многих сил, и верхушке секты пришлось отправить нескольких сильных практиков, чтобы утихомирить любопытных соседей.

Подол его черного одеяния был запятнан кровью врагов. Несмотря на использование талисмана очищения от пыли, Юнь Мо чувствовал себя неуютно. Глубоко внутри он был тем еще чистюлей, хотя старался этого не показывать. Но при первой же возможности он предпочитал приводить себя в порядок.

Тренировочная площадка располагалась между двумя пиками и представляла собой огромную естественную скалу с идеально плоской вершиной. Это было излюбленное место молодых учеников.

Каждый раз, направляясь на Пик Цяньтянь с докладом, Юнь Мо проходил мимо этой площадки. Обычно там стоял невообразимый шум и гам.

Однако сегодня всё было иначе.

Юноша окинул взглядом притихшую толпу и недоуменно нахмурился.

Людей было даже больше, чем обычно. Пыл учеников к тренировкам внезапно возрос до небес, вот только выглядели они все... на редкость высокомерно.

Если точнее, они старательно изображали ледяную отстраненность.

Вечно суетливые младшие братья внезапно избавились от лишней мимики. Губы плотно сжаты, взгляд суров и пронзителен, на лицах крупными буквами написано: «Я предельно серьезен». Голоса стали нарочито низкими. Вместо фраз — короткие рубленые слова, вместо объяснений — скупые кивки. На площадке воцарилась противоестественная тишина.

Но кроме тишины, в глаза бросался белый цвет.

Куда ни глянь — сплошные белые одежды.

Обычно на тренировках никто не заботился о стиле, предпочитая практичные серые или коричневые тона. Одно время в моде были красный и фиолетовый, но это быстро прошло. А сейчас... Каждая фигура была облачена в белоснежные длинные одежды, отчего в глазах начинало рябить.

Что за... напасть?

Тот не стал углубляться в раздумья, решив, что за время его отсутствия в мире культивации просто появилась какая-то новая дурацкая мода.

Но когда он поравнялся с площадкой, взгляды учеников буквально впились в него. Ледяные маски мгновенно треснули: они начали сбиваться в кучки и возбужденно шептаться.

Практики обладают острым слухом, а эти юнцы еще не освоили тайную передачу голоса. Как бы тихо они ни шептали, их слова отчетливо долетали до ушей Юнь Мо.

— А-а-а-а! Точно! Именно у старшего брата Юнь это получается лучше всего!

— Так вот как выглядит тот самый «недоступный идеал» и «холодное воздержание» из книг? Да один в один же!

— Если бы он надел белое, сходство было бы стопроцентным. Белоснежные одежды, танец меча под луной... Я перечитывала этот момент десятки раз!

— Главное, что старший брат Юнь красавец! Бессмертный мечник Линьюэ — первый красавец трех тысяч миров!

Юнь Мо:

— ...?

Секта Меча, Пик Цяньтянь. Маленький домик для выздоровления.

Главный зал пика всё еще восстанавливали, но другие постройки почти не пострадали. Ци Фэн выделил Сы Жаню комнату с усиленной защитой, чтобы тот мог спокойно отдыхать.

Изначально интерьер был выполнен в спартанском стиле Секты Меча, но недавно Се Жунцзин притащил огромное кресло-качалку и расставил вокруг столики со сладостями. Атмосфера в помещении резко сменилась на «курортную».

— Ума не приложу, как работает твоя голова? Откуда ты берешь все эти безумные повороты? — Се Жунцзин, закинув ногу на ногу, раскачивался в кресле и грыз семечки. — Благодаря твоему творению внизу в лавках появилось полно историй про мечников. Я всё просмотрел — неплохо, но до твоего уровня им далеко.

Сы Жань скромно заметил:

— Ну что ты, обычный средний уровень.

Его слог не был выдающимся, он просто много читал. Заметив, что в мире культивации сложился довольно однобокий образ мечника, он решил начать именно с этого. Так на свет появился образ холодного, как лунный свет, и прекрасного, как небожитель, героя.

Мир культивации обожал сильных, поэтому он наделил своего «Бессмертного мечника Линьюэ» абсолютным могуществом, трагическим прошлым, божественной внешностью и той крупницей тепла, что случайно проскальзывала сквозь ледяную маску. Короче говоря, классический коктейль из мощи, страданий и «разрыва шаблона».

Эффект превзошел все ожидания.

Се Жунцзин продолжил:

— Ты не представляешь, что творится. Стоит мне спуститься вниз, как на меня начинают коситься все девушки. Вчера одна даже подбежала с признанием. А ведь обычно, если не считать парочки наших девчонок, на меня никто и не смотрел.

Сы Жань оживился:

— С признанием? И что ты сделал?

— А что я должен был сделать? Отказал, конечно, — собеседник сплюнул шелуху. — Любовь — это сплошные хлопоты. Только время от тренировок отнимает. Уж лучше практиковать или книжку почитать, пользы больше.

Сы Жань:

— ...

«Теперь понятно, почему на тебя никто не смотрел».

— Слушай, о чем будет следующая история? — Се Жунцзин быстро сменил тему. — Хозяин лавки меня каждый день за рукав ловит, выспрашивает новинки.

Псевдоним Сы Жаня — «Обыкновенная и ничем не примечательная книга», а первое произведение называлось «Бессмертный мечник». Едва оно вышло, как вызвало бурю эмоций. Одни кричали, что таких мечников не бывает, другие — что у героя явно есть прототип. Большинство сошлось на том, что это Юнь Мо: характер и внешность совпадали почти идеально.

На это автор мог только сказать: «Ищите приключения на свою голову сами, меня не впутывайте».

Он не ожидал, что у читателей такая бурная фантазия. Впрочем, сказания — это и есть полет воображения. Та прекрасная фея из Дворца Лазурной Чистоты в книгах перевстречалась с сотнями мужчин, и её реальный прототип, кажется, не особо переживал.

Хотя, если честно, Сы Жань не мог отрицать, что вдохновлялся образом Юнь Мо. Живой пример идеального мечника каждый день маячил перед глазами, да еще и такой красавец... Сложно было не вспомнить его во время работы.

Юноша мотнул головой, отгоняя лишние мысли, и произнес:

— Следующая... Наверное, что-то про путь возвышения. Но с изюминкой. Скажем, главный герой — полный неудачник с четырьмя или пятью корнями...

Се Жунцзин подхватил:

— И он будет упорно трудиться, преодолевая трудности?

— Нет, — Сы Жань многозначительно поднял палец. — Однажды он найдет кольцо. А в этом кольце живет дух алхимика десятого ранга. Этот мастер берет парня в ученики, передает ему великую технику и снабжает невероятными пилюлями. С этого момента наш герой с пятью корнями начинает крошить врагов направо и налево и возносится к бессмертию, не дожив до ста лет.

Тот опешил. Сюжет показался ему слишком... диким:

— Погоди... Откуда взяться алхимику десятого ранга, это же легенда! И в кольце? И его случайно нашел какой-то бездарь с пятью корнями? Это же просто...

— Неважно, логично это или нет. В книгах главное — смотреть на мир глазами героя, — Сы Жань развел руками. — Представь, что ты читаешь такую историю. Что ты почувствуешь?

Се Жунцзин задумался на секунду:

— Восторг. Кайф.

Сы Жань довольно кивнул:

— Вот именно. В этом и смысл.

— На самом деле подобных ходов полно. К примеру: героя загнали на край обрыва, деваться некуда, и он прыгает в бездну. А внизу — тайная пещера с наследием древнего мастера. И понеслась... — Сы Жань набросал еще пару классических «роялей в кустах». — Или перерождение. Слышал о таком? Когда ты возвращаешься в прошлое, сохранив знания за сотни лет жизни. Или попаданец из другого мира... хотя нет, это лишнее.

Юноша вытер пот со лба. Как реальному попаданцу, эта тема казалась ему слишком скользкой.

— Вариантов тьма: случайный контракт с божественным зверем, съел невзрачный фрукт — а это легендарный плод десятого ранга для очистки меридианов, или внезапно обрел уникальное телосложение или систему помощи... Границы лишь в твоём воображении. Это же сказка, в ней всё возможно.

Когда он закончил, Се Жунцзин погрузился в странное молчание.

Спустя минуту он произнес необычайно серьезным голосом:

— Слушай, а ведь рядом с моим пиком как раз есть один обрыв.

Сы Жань:

— ...Что?

Се Жунцзин:

— Надо бы выкроить время и прыгнуть, проверить.

Сы Жань:

— ...

— Нечего откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Погода отличная, небо ясное — идеальный день для прыжка! — Се Жунцзин решительно вскочил с кресла и рванул к выходу. — Я быстро, туда и обратно! Ты пока пиши на бумаге, вернусь — помогу в пластины загнать!

Прежде чем Сы Жань успел хотя бы руку поднять, фигура Се Жунцзина скрылась вдали.

Онемев от такого поворота, юноша посидел в тишине, затем взял бумагу и в самой верхней строке жирными буквами вывел:

«Всё описанное в данной истории является вымыслом. Просьба не повторять в реальности. Автор не несет ответственности за любые последствия».

Сы Жань (в нетерпении): «Хочу... хочу написать эротику...»

<http://bllate.org/book/15359/1421485>